Цунами. История двух волн

Автор:
Аня Ким

Цунами. История двух волн

Аня Ким

Нина живет во Владивостоке, учится в университете и понятия не имеет кто она такая. Каждый день она надевает маску, стараясь выглядеть той, кем ее хочет видеть общество, одновременно мечтая и боясь стать взрослой. Из-за работы отца она попадает в Японию и там, на холодных улицах незнакомого города происходит главная встреча ее жизни, с мальчиком который кажется персонажем сказки, но ради которого ей впервые хочется жить в реальном мире.

Аня Ким

Цунами. История двух волн

Глава 1

Есть люди, которым важнее всего видеть. Среди прочих чувств зрение занимает в их жизни центральное место. Есть люди, предпочитающие иные способы познания. Слух. Обоняние. Вкус.

Я чувствую мир кожей. Чтобы увидеть, понять, почувствовать и запомнить, мне нужно дотронуться. Я кинестетик-наркоман.

В знаковые моменты моей жизни, я всегда ищу ладонью рельефный след происходящего. Я прикасаюсь, и этот след остается в моей памяти навсегда. Я уношу это с собой. Колючую шероховатость штукатурки, холодную гладкость шелкового шарфа, латунную звонкость поручня, податливую упругость волейбольного мяча. Я касаюсь, пробую на сопротивление – поддастся ли? Скребу ногтем, пытаясь извлечь тот полузвук-полуощущение в кончике пальца.

Людей я вижу так же. Пушистая мягкость маминых волос. Сухая, теплая твердость папиной ладони. Колкость деталей конструктора на полу Ромкиной комнаты – больно ступать босой ногой.

Что для меня Токио? Наощупь он похож на музыкальную шкатулку. Гладкое теплое дерево, затейливая резьба, острые металлические шестеренки, вибрация работающего механизма и музыка. Вдыхая утренний аромат кофе, влажный запах тумана и рыбных рынков, ведя рукой по каменным стенам и кирпичным заборам, покрытым вьющимся плющом, я чувствую его ритм. Токио никуда не бежит, он по-восточному спокоен и размерен. Он движется слаженно, но ритм не затихает. Урбанистическая махина ворочается под ногами. Токио поет своими рекламными экранами, уличными торговцами, даже мусорными фургонами. И этот ритм во мне. Я чувствую его кончиками пальцев, я приняла его, переняла его и живу с ним.

С чего начинаются истории?

Наверное, срабатывает крошечный, незаметный спусковой механизм. Щелкает взведенный курок, падает вниз песчинка, катится, шурша по склону. Толкает один за другим более крупные камни, те в свою очередь толкают другие. Лавина несется вниз, сметая все на своем пути, и вот я уже сижу в самолете, летящем в страну, которую я никогда не видела, и о которой не знаю ничего. Если бы я пошла к гадалке прошлым летом, смогла бы она предсказать это? Сказала бы – детка, да у тебя январский билет в Токио на носу, пакуй чемодан и учи японский?

Никогда не любила тесты. Особенно из серии "опиши себя одним словом". Но трудности укрепляют дух, не так ли?

Если бы я взялась описывать сама себя, то в голову бы приходили не самые приятные слова.

Беззаботная. У меня незакрыта сессия, мне полагается готовиться к пересдаче и похрустывать гранитом науки холодными вечерами. Но я этого не делаю. И меня это не слишком волнует. Оценки вообще занимают в моей жизни очень мало места.

Злопамятная. Лучшая подруга не позвала меня с собой на новогоднюю вечеринку. Прошло уже две недели, но до сих пор от одной мысли об этом у меня руки сжимаются в кулаки от злости и унижения. Мы собирались идти вместе, но в последний момент Рита внезапно изменила планы, забыв поставить меня в известность.

Мы сидели с парой одногруппниц, пережидая время до очередной консультации. Рита увлеченно чатилась с кем-то, периодически мечтательно поднося смартфон к подбородку. И вдруг спросила:

– Ты уже определилась, куда идешь на новый год?

Она произнесла это так небрежно, словно выдула пузырь жвачки. Она знала, что я собиралась пойти с ней. Она знала, что перед кучей людей я не стану это обсуждать.

Мне стоило ответить, какого черта, разве мы не идем вместе? Чтобы все посмотрели, как она удивленно хлопает глазами и тянет – наверное, ты меня не так поняла.

Возможно, мне не стоило обижаться вообще. Поговорить с ней позже, прояснить ситуацию, не спешить с выводами. Но у меня не было сил и желания в это ввязываться, в наших отношениях я была прицепом, который энергичная Рита таскала за собой. Устраивать с ней публичные сцены было глупо и небезопасно.

Я промямлила, что еще не в курсе иду ли вообще куда-то, да и мама грозила устроить мне домашний арест из-за оценок. Все понимающе засмеялись.

С тех пор я с ней не разговаривала. Более того, я удалила ее из друзей в соцсетях и заблокировала в телефоне. Это, несомненно, незрелый поступок, но в результате я почувствовала себя легче. И немного хозяйкой ситуации что ли.

Бесхребетная. Я знаю, что как только начнется учеба, мы снова будем общаться. Я просто не смогу вынести напряжения, которое возникает, когда в одном помещении находятся два человека рассерженные друг на друга. Худой мир лучше доброй ссоры, как-то так.

Одинокая. Это определение каждого второго, я понимаю. Но в моем случае одиночество скорее преднамеренное. Нельзя сказать, чтобы я делала так уж много, чтобы люди меня понимали, и я понимала их.

Возможно, я наоборот старательно отталкиваю окружающих, а потом с чувством страдаю от недостатка общения. Я интроверт самопереученный в экстраверта. Мне вполне достаточно самой себя, но если люди мной не интересуются, я чувствую себя неудачницей. Тогда я изо всех сил имитирую социальную активность. Поздравляю друзей с днем рождения в соцсетях, шлю милые смс, улыбаюсь и петросяню при встрече. У меня заводится парень, и я даже испытываю к нему какие-то чувства. Друзья мне радостно звонят и целуют в щеку при встрече.

А потом что-то во мне ломается, перенасыщение общением. И все летит в тартарары. Я замкнута, отношусь к друзьям как к помехе, я не могу себя заставить взять трубку и днями слушаю музыку, смотрю телевизор и читаю книжки. Просто эталон подростка-задрота.

Может быть, меня стоит посадить на таблетки? Это было бы неплохим решением, я встаю утром, принимаю пилюлю счастья из красивой коробочки, и дальше все идет как в рекламе йогурта. Все улыбаются, я одета в кашемировый свитер, мама в накрахмаленном фартуке жарит блинчики, папа возвращается из командировки и брат бросается к нему на шею с радостным визгом. Бойфренд встречает меня возле универа, поигрывая мускулами, подружки стайкой щебечут вокруг. Меня затошнило.

У меня есть и положительные качества. Наверное.

Я симпатичная, у меня нет проблем с лишним весом и среднестатистический размер ноги. Я легко приспосабливаюсь к любым обстоятельствам и почти с каждым человеком найду, о чем поболтать. Я хорошо танцую. Я быстро собираюсь по утрам.

Что я могу еще? Чего я стою? В тот день ответы на эти вопросы казались далекими, как декабрьские звезды. Я забралась на последний этаж шестнадцатиэтажного дома, что стоял рядом с нашей старенькой пятиэтажкой. Дверь на пожарную лестницу закрыта, но если выйти на двенадцатом и подняться пешком, то можно попасть на технический балкон последнего этажа. Просто сидеть там, слушать музыку и смотреть на вечерние дворики внизу. Я часто пользуюсь этим, когда на душе мерзко, как было в тот день.

Я сидела, высунув ноги между прутьями и прижавшись лбом к холодному металлу. На секунду возникло желание по-детски лизнуть мерзлый прут. Внизу припозднившиеся горожане несли елки. Каменные беседки выглядели игрушечными. Новый год я видимо встречу дома с мамой и братом. Двоюродная сестра звала присоединиться к ним после полуночи, и я собиралась воспользоваться ее приглашением.

В этот момент мне позвонил отец.

Мой отец уже полгода живет в Токио. Он – радиоинженер, работает в компании связи, учавствует в разработке новых устройств и дежурит по станции. Ему нравится Япония, но я по нему очень скучаю. Мама с братом летали к нему три месяца назад, но я не видела отца с июня. То ли из-за этого, то ли из-за ссоры с подругой мой голос звучал особенно подавленно.

– У тебя все в порядке, милая? Это из-за сессии?

– Нет, пап, все нормально. Просто немного замерзла, – я шмыгнула для убедительности носом.

– Слушай, Нина, брось хандрить, мне бы твои проблемы. Каждый день по работе я бьюсь лбом о неизвестные ошибки, которые кроме меня никто не устранит. Я бы с удовольствием поменялся на твою сессию или другие подростковые штучки.

Я возмутилась.

– Вот так раз! То есть мои проблемы неважны, раз я студентка и живу с родителями? Я между прочим уже могу водить машину и покупать сигареты. Где там закон про неважность подростковых проблем?

Отец рассмеялся.

– Мы это еще обсудим, – потом замолчал на мгновение. – А ты не хочешь приехать ко мне на каникулы?

– В Токио?

– Да, я думаю, тебе будет полезно развеяться. И я по вам очень соскучился. Приезжай, я сейчас посмотрю билеты.

В трубке раздался шелест пальцев по клавиатуре. Я постучала, друг о друга замерзшие ноги и натянула шарф на лицо. После непродолжительного ожидания раздался огорченный голос отца.

– Ты знаешь, только на середину января есть. Когда у тебя заканчиваются каникулы?

– Пятнадцатого, но ты погоди, – я перебила его. – Я попробую договориться на кафедре, не убьют же они меня за неделю прогула, в конце концов. Скажем, эмм по семейным обстоятельствам улетела. Ты же семья, значит обстоятельства семейные!

– Ага, экстренные, – расхохотался отец.

– Самые что ни на есть экстренные! Умираю от скуки.

– Вот это уже мне совсем не нравится. У тебя есть чем заняться. Давай договоримся, что я резервирую тебе билет, а ты бросаешь все силы на подготовку к заваленному экзамену?

– Ээ. Ммдаа, – с неохотой выдавила я из себя.

– Вот и отлично. А, кстати, как там твой парень?

– Он был полгода назад.

Возникла неловкая пауза.

– Понятно, – хотя ничего не было понятно. Мне самой в первую очередь.

Недавно я смотрела какой-то артхаусный фильм. В нем девушка принимала снотворное и с ней проводили ночь мужчины. С бесчувственным телом. Делали, что вздумается кроме полового акта. Фильм якобы символизировал наплевательское отношение к своей жизни, которое процветает среди молодежи. И вот я думаю сейчас, мне наплевать на мою жизнь?

Наверное, все же нет. Я переживаю, беспокоюсь о близких, и все такое. Но я не делаю ничего, что могло бы серьезно изменить мою жизнь.

В принципе если бы меня заменили киборгом на радиоуправлении я бы жила точно так же. Ничем не выделяясь.

Есть же люди с целью в жизни. Самоотверженно учатся на хирургов, руководят студенческими движениями, делают качественные новости. Редактируют Википедию, в конце концов. Коллекционируют любовников.

Я беспричинно почувствовала себя очень несчастной. Крохотным ничего не значащим винтиком.

Значит Япония?

До этого все мои поездки за границу ограничивались двухдневными турами в приграничный китайский город. Туда мы ездили в основном обновить гардероб и поверить, что это другая страна было трудно. Город был похож на магазин, много надписей на русском, снующие туда-сюда земляки.

Поэтому Япония для меня представлялась чудесной и привлекательной. Аниме? Суши? Бытовая техника? Мои знания о стране восходящего солнца были немногочисленными и обрывочными. Я кажется, никогда не видела японца. Ну, во всяком случае, от китайца точно не отличу.

Я вернулась домой, постучала ботинками о полосатый коврик, стряхивая снег. Мама шуршала пакетами на кухне.

– Нина, ты? Вынеси мусор, пожалуйста.

Я возвращалась, погруженная в свои мысли. Серебристый автомобиль остановился рядом со мной у самого подъезда. За рулем был симпатичный светловолосый парень. Стрижка у него была точь в точь как у длинноносого петрушки из моего детского кукольного театра. Но сам нос был очень даже в порядке.

– Девушка, вы не подскажете, где здесь дом 28А, полчаса уже езжу вокруг, ничего не понимаю? Здесь 28, там 30, где 28А?

– Это вообще не здесь, у нас дурацкая нумерация, – мне неожиданно стало стыдно за путаницу с номерами домов в нашем квартале. – Проедете до светофора и там за магазином кирпичное здание.

– Ок, спасибо. А то друзья трубку не берут, достали. Тебя подвезти? – внезапно перешел он на ты.

– Нет, я тут живу, – я взмахнула рукой, показывая на подъезд, и попала ведром по боковому зеркалу машины. От неожиданности у меня даже дыхание перехватило. Идиотизм ситуации довершила дужка ведра. С лязгом она выпала из креплений, и ведро покатилось мне под ноги.

Секунду или две мы молчали, я, сгорая от стыда. Потом он фыркнул от смеха и высунулся осмотреть зеркало, к счастью там не было видимых повреждений.

– Это. Какая ты дерзкая. Спасибо, что не в окно!

– Пожалуйста.

– С новым годом, – сказал он и, давясь от смеха уехал.

Я, проклиная ведро, мусор и прочие радости жизни, вернулась домой.

– Мам, у на в семье все такие умные, в кого я такая бестолочь, а?

– Господи, чем тебе мусорный бак то не угодил? – мама устанавливала в крепления пластиковую елку. Я поспешила сменить тему.

– А можно в следующем году у нас будет живая елка? Я все понимаю, но эта до сих пор пахнет полиэтиленом.

– Ну, давай живую, хорошо. Только иголки я за ней убирать не буду. Сама будешь выбирать, убирать и выбрасывать. Ты посмотри, какая у нас елочка ровная и аккуратная, а что на рынке продают, ты видела?

Я пожала плечами.

– Вот! А я видела. Купить то купишь, а потом будем гадать, к какой стенке ее лысым боком поворачивать.

– Я тоже хочу настоящую!

Рома появился из спальни, не отрываясь от PSP, прошествовал в кухню и захлопал холодильником.

– Это бунт, – с улыбкой подытожила мама. – Купите завтра сосновых веток, будет компромиссный вариант.

Я ушла к себе. У нас довольно просторная трехкомнатная квартира, мы с Ромкой занимаем по комнате, а родители спят на диване в зале. Спали, пока папа не улетел. Я вспомнила о звонке, но маме решила пока не говорить, папа наверняка ей позвонит, когда будет бронировать билеты. Лежа на кровати под постером фильма Начало, я представляла себя в Японии. Почему-то придумалось кимоно. Я же знаю, что они в кимоно толпами не ходят, с чего бы мне его надевать? И, вообще, европейка в кимоно, это странно.

Что мне взять с собой? Я погрузилась в приятные размышления, обдумывая детали поездки. Предвкушение чего-то нового и приятного охватило меня. Год, кажется, начнется неплохо

Письмо, написанное мамой, послужило мне индульгенцией за пропуски.

У меня самые лучшие родители на свете, вместо того, чтобы компостировать мне мозг по поводу сессии они отправляют меня в Японию и обманывают деканат.

Я недоверчиво вчиталась.

– Депрессия, вызванная разлукой с отцом? – мам ты серьезно, кто на это купится?

–Всем безразличны причины твоего отсутствия, вот увидишь, ну или попроси их мне позвонить.

– Да, они позвонят, а ты дрожащим голосом будешь умолять их подарить Добби носок!

Но звонить ей никто не стал, мои каникулы продлили на неделю.

Новый год прошел более чем стандартно. И бессмысленно. На вечеринке я танцевала с очень милым темноволосым старшекурсником.

Мы разговаривали про скрытые подтексты в мультсериалах типа Симпсонов или Футурамы. Он сказал, что у меня "потрясные глаза". Все могло бы даже закончиться романтично, но принц перебрал домашнего вина, испортил содержимым желудка, чьи то сапоги и заснул в ванной. Я так смеялась, что даже не было обидно. По моим романтическим приключениям скоро можно будет писать книгу – как делать не нужно.

Пятого января Рита стояла у меня на пороге, виновато сверкая глазами. Пришлось позвать ее в комнату, чтобы не устраивать сцен на глазах у мамы. Я закрыла за нами дверь и молча уставилась на нее.

– Что? – она воскликнула, но сразу же зашептала. – Ну не злись, подожди, я тебе все расскажу, и ты не будешь на меня обижаться.

Она села на кровать, по-турецки скрестив ноги.

– Да я олень! Я могла раньше рассказать, я просто не могла, не хотела ни с кем делиться. Короче, я влюбилась.

– И что? Может тебе это пойти обсудить с какой-нибудь подругой, я то при чем?

– Я не хотела никому говорить и хотела, чтобы все думали, что я иду в клуб. А на самом деле мы были с ним!

– Ты укурилась что-ли? Сама слышишь вообще, как это звучит?

– Он женат.

Я замолчала, ошарашенно глядя на подругу. Какого черта вообще происходит? Моя рука привычно заскользила по шерстяному ворсистому пледу. Материал щекотал ладонь. На ее лице расплывалась дурацкая счастливая улыбка. Рита намотала на палец длинный темный локон.

– Ты встречаешься с женатым мужиком?

– Он такой крутой! У него офигенная тачка, он меня на руках носит, покупает мне все, что захочу. Смотри!

Рита вытащила из ворота цепочку с огромной и довольно уродливой тарелочкой с зодиакальными рыбами на ней. Золотой тарелочкой.

– Эээ. У меня слов нет, честно говоря. А родители видели?

– Говорю, что он студент из богатой семьи и безумно в меня влюблен.

– Ты влюбилась в женатого мужика. Я даже не знаю что сказать.

– Нина, ты как маленькая. Ну как еще можно относиться к красивому мужчине, который исполняет мои желания и очень опытный во всем! – Она многозначительно подняла брови.

– Во всем?

– Я же говорю, у нас был чудесный новый год!

Моя злость испарилась, осталось только смутное ощущение тревоги. Я молчала, не зная, как правильно подобрать слова. Рита заговорила первая видимо смущенная моим молчанием. Голос ее звучал немного обижено.

– Я думала, ты порадуешься за меня. Я и так еле держалась, чтобы не рассказать пока все непонятно было.

– То есть сейчас понятно?

– Да, нет… Не знаю! – она огорченно всплеснула руками. – Ты меня запутала. Не надо вот этого осуждающего взгляда, я не за этим к тебе пришла. У меня все хорошо, правда, просто перестань обижаться. Я по тебе очень скучала. Ну!

Она вскочила и стиснула меня в объятиях. Волосы защекотали мне нос.

– Я по тебе тоже скучала.

Как же его жена? Как ты вообще собираешься жить дальше, ни встретиться открыто, ни познакомить с друзьями-родными. Мне хотелось задать эти вопросы и много других, но я не могла. И промолчала.

Япония, я же лечу в Японию!

– Рита, я совсем забыла с твоим сериалом. Отец позвал меня к себе, я лечу через неделю!

Комната наполнилась радостным визгом.

– Чокнутые! – заорал брат и застучал в стену.

– Япония! – немного успокоившись, выдохнула Рита! А как же виза?

– Гостевая, в понедельник уже будет в паспорте. Компания отца помогла с оформлением, маме и Ромке в прошлый раз тоже без проблем сделали.

– Я не верю, вообще, что это правда! Ты должна сделать кучу фото, и привези мне, привези, – она задумалась. – Бумажного журавлика! Это будет так трогательно, и в чемодане много места не займет.

– Спасибо, что не катану попросила, – засмеялась я.

Потом я в двух словах рассказала (и пантомимой показала) как прошел мой новый год. Рита хохотала и припоминала моего бывшего парня, который как-то вырубился на вечеринке у нее дома. Причиной, правда, был не алкоголь. Его пристрастие к расслабляющим веществам и стало основным поводом для нашего расставания. С каждым днем я занимала в его жизни все меньше места, а ароматная сигаретка, от которой так легко на душе, все больше. Я отрезала по живому, рассудив, что всю жизнь я так жить не хочу, а чем дальше, тем больше привязываюсь к нему. Прошло полгода, а я до сих пор просматривала его обновления в фейсбуке. Хотя в этом году еще ни разу не открывала, предстоящая поездка заняла все мои мысли.

Через неделю я сидела в самолете, нервно сжимая сумку с документами и телефоном. Мама дала мне в дорогу несколько яблок, и теперь я была ей ужасно благодарна, в аэропорту я грызла их в ожидании таможенного контроля. Возможно, не будь их, в ход бы пошли ногти. Чего я боялась, сама не знаю, таможенные служащие всегда выглядят очень строго и загадочно. Смотрят на тебя из своих кабинок. Ты вроде бы знаешь, что ничего не совершал, но начинаешь нервничать. Я в такие моменты мгновенно начинаю представлять какие-то невообразимые варианты развития событий. Мысли бегут вперед, забыв захватить с собой логику. Например, служащий нажимает кнопку, визжит сирена и меня на глазах у изумленной очереди подхватывают под руки и тащат неведомо куда. Привязывают к стулу и!

Я хрюкнула от смеха, седой мужчина рядом оторвался от журнала и бросил на меня косой взгляд. В самолете было несколько азиатов, но в основном пассажирами были мои соотечественники. Багажа у меня было совсем немного, и я взяла сумку в салон. Папа предупредил, что в Токио намного теплее, чем у нас. Еще он предложил в качестве новогоднего подарка обновить мой гардероб, поэтому я ограничилась минимумом вещей. Еще в сумке были гречка и сервелат, на который таможенники посмотрели неодобрительно, но оставили.

Глава 2

Аэропорт Нарита оказался большим и светлым.

Вокруг суетились люди с чемоданами, кое-кто был одет в сланцы и шорты, явно только прилетели с отдыха. Я с любопытством рассматривала щебечущих японок, целой стаей выпорхнувших из-за угла. Все в одинаковых свитерах, видимо работали в одной организации.

Множество туристов разговаривали на всевозможных языках, ни один из которых я не понимала. Сердце мое наполняло радостное предвкушение.

Отец встретил меня после прохождения таможенной будки. Я радостно повисла на нем, мы давно не виделись, и я радостно отметила, что он выглядит вполне довольным жизнью.

Я знала, что помимо работы они с коллегами регулярно ходят в бары по пятницам и выбираются в поездки по окрестностям Токио на выходных. Он немного изменился, отличался от отца, которого я знала раньше.

Мне понравился расслабленный, но опрятный стиль его одежды.

Мы прошли к автобусной стоянке. Отец объяснил, что проще всего нам будет добраться от Нарита на автобусе, который ходит к одному из крупных отелей.

– Мы доедем до Империал, а оттуда уже рукой подать до моего дома. Слава богу, ты не потащила с собой весь свой одежный шкаф!

Я хмыкнула, втайне надеясь привезти пару шкафов домой.

В автобусе чемодан мы пристегнули тросиком с кодовым замком к полке в конце салона. Я устроилась у окна. Было уже темно и долгое время мимо проплывали только скучные поля с редкими огоньками. Было немного непривычно ехать по "неправильной" стороне дороги, но в автобусе это не очень пугало.

Все изменилось, когда мы въехали в Токио.

С самого начала мы попали в переплетенье многоуровневых дорог. Я думала, что была готова к этому, но сияющие огни, мерцание рекламы и множество автомобилей оглушили и ослепили меня. Токио подготовился к встрече, надев лучший из своих нарядов. Кокетливо подмигивая мне экранами, помахивая билбордами, обнимая туннелями развязок, он поразил меня в самое сердце. Я сидела, не двигаясь, просто широко открыв глаза, старалась впитать город в себя.

Папа молча наблюдал за моей реакцией, дав мне время освоиться.

Мы вышли недалеко от отеля и уже через десять минут оказались в квартире, которую снимало папе его руководство. Она располагалась на втором этаже неприметного здания, причем вход в квартиру, как и во все квартиры второго этажа, был прямо с незастекленной террасы.

Квартира была крошечной. Небольшое пространство, служившее одновременно кухней и гостиной, в котором по кругу располагались стол, плита, телевизор и диван. Рядом спальня и ванная с туалетом. Пол в спальне был весь покрыт забавными циновками.

– Это татами, пояснил отец. Традиционный пол для японских домов. На них нельзя ставить тяжелую мебель, от этого татами проминаются и портятся, поэтому японцы в таких домах спят на матрасах, а шкафы в спальне только стенные.

Он показал мне спрятанный в шкаф матрас, который назывался – футон.

– Эти штуки приятно пахнут, – я провела рукой по полу.

– Они сделаны из тростника и рисовой соломы, – он постучал по полу пяткой. Очень нравится ходить по ним босиком.

Я не могла не согласиться – комнаты были уютными, хотя в целом размеры квартиры вызывали клаустрофобию. Отец вызвался спать в гостиной, хотя я уверяла, что диван меня более чем устроит.

Ванная была маленькой, сама ванна вообще оказалась сидячей. Зато вода в душе регулировалась с точностью до градуса.

На бачке унитаза располагался умывальник, вода из которого попадала в бачок и тоже использовалась для слива. Сам унитаз вызвал у меня панику. По краю стульчака шел бортик с несколькими кнопками. Пиктограммы на них недвусмысленно изображали процесс омытия зада и переда, рядом были кнопки регулировки напора и температуры.

Кнопка с изображением ноты меня заинтересовала меньше, но при нажатии раздались различные природные звуки, видимо, призванные замаскировать непотребные вещи, которыми люди занимаются в туалете. Сиденье подогревалось, все эти фишки со струями воды оказались чертовски удобными. Как я жила без этого раньше.

Чуть позже мне захотелось посмотреть, как именно происходит подача воды. Но стоило мне встать, как кнопки прекращали функционировать. Видимо реагируют на вес, решила я, придавила рукой сиденье, нажала на кнопку и оказалась по пояс залитой водой.

Судя по тому, как хохотал отец, когда я вышла, я была не первой жертвой коварного унитаза.

Перед сном мы немного прогулялись по городу, купив рис с гарниром на вынос в ближайшем ресторанчике.

Спать на футоне оказалось довольно удобно. Может быть, в прошлой жизни я была японкой?

Отец дал мне свою проездную карточку, чтобы я могла пользоваться общественным транспортом. Токийское метро привело меня в ужас, хитросплетение линий разного цвета не поддавалось никакому осмыслению. Отец утверждал, что в нем есть логика, но я ее найти не смогла. А так как мне оставалось пробыть здесь шесть дней, не стала заморачиваться и в основном пользовалась автобусами двух маршрутов.

В первый день мне казалось, что на меня смотрят буквально все! Стоило мне выйти из дома, как внимательные взгляды начинали преследовать меня, словно

бледнолицего шпиона. Процесс покупки полезных мелочей в местных магазинчиках – комбини, оказался настоящей пыткой. Мало того, что еда часто выглядела совершенно неопознавабельной, так для полноты удовольствия продавщицы постоянно пытались со мной побеседовать. На лице у них при этом было выражение "здравствуй неразумный ребенок”, которое меня поначалу бесило. В конце концов, я жестами объясняла, сколько пакетов мне нужно и нужно ли разогревать еду в микроволновке.

Постепенно это напряжение спало, думаю, например, негр на улицах нашего приморского города получает куда больше негативного внимания.

Японцы мне понравились. Милые и вежливые, они действительно много работали и поддерживали свою страну в состоянии, которое меня восхищало. Более того, некоторые моменты честности меня удивляют до сих пор. Шокировали магазины, разделенные проезжей частью. Ты набираешь покупки, а чтобы оплатить их на кассе нужно перейти дорогу в другую часть магазина! И никто не сбегает с охапкой товара, все идут и платят. Я сначала вообще решила, что это два разных заведения и долго не могла найти стойку оплаты в одной из половин.

В течение следующей недели отец с утра уходил на работу, а я спала часов до десяти, потом добиралась на автобусе до какого-нибудь туристического района вроде Гиндзы или Асакусы и шаталась там, снимая, покупая одежду, сувениры и мороженое, любуясь на пейзажи и людей. Связи у меня не было из-за каких-то особенностей местных сетей, по которым моя трубка не работала со здешними сим-картами. И мне очень нравилось быть не на связи. Я часами могла сидеть в торговом центре на лавочке, наблюдая за проходившими мимо людьми. Мне показалось, что японцы очень ответственные отцы, семьи в составе мама-папа-ребенок я видела намного чаще, чем мама-ребенок. Иногда я ездила в музеи, а однажды попала в центр какого-то шествия состоящего из забавных повозок и людей в национальных костюмах. Мне очень хотелось увидеть настоящую гейшу, но судя по всему за ними нужно было ехать в Киото. Женщин в кимоно, тем не менее, я видела, а один раз даже видела мужчину в чем-то похожем на кимоно. Дети глазели на меня, открыв рот, совсем малыши иногда даже пугались.

Японцы были большими перестраховщиками. Около каждого перекрёстка стояла пара регулировщиков, которые следили, чтобы люди правильно пользовались переходами. Такие же регулировщики стояли возле въездов на подземные

парковки, у машин остановившихся, чтобы полить цветы, например, а возле строек и участков с дорожными работами их иногда было сразу штук по пять. В основном это были немолодые люди. Меня поразило, с каким достоинством и рвением они выполняли свою нехитрую работу. Словно мир рухнет, если они вовремя не помашут палкой. Вот уж точно "основной ресурс Японии это японцы". Часов в пять я заканчивала свои похождения и ехала домой.

В шесть с работы возвращался отец, и мы отправлялись наслаждаться местной кухней. Из разнообразных блюд мне больше всего понравились такияки, шарики из полужидкого теста с щупальцами осьминога внутри и набэ или набэмото – хитрые чугунки внутри которых в бульоне варилась мешанина из самых разных продуктов, мяса, овощей, грибов и тофу.

Мне показалось, что слон выполнял в Токио роль свиньи – наклейки со слоником были явным призывом не мусорить в общественных местах. Вообще было очень много изображений различных мультяшных существ – как правило, с огромными глазами и улыбками на мордах. Нашелся и мой любимый Тоторо, точнее целый магазин имени Тоторо, где я купила футболку и носки с любимым монстриком.

В предпоследний день я решила наведаться в район Акихабара, славящийся своими магазинами электроники и развальчиками для любителей аниме.

Разноцветный, многоэтажный рынок. Говорят, если вы чего-то не нашли на Акихабара – то этого не существует. Куча продавцов-зазывал и сотни разноцветных рекламных наклеек на товарах.

Несмотря на то, что я не любитель электроники Акихабара задержал меня на весь день. Гигантский магазин игрушек, магазин с канцтоварами, с товарами для вышивки, где я купила подарок маме, магазин с поездами.

На улице я видела людей, которые изображали живые статуи, и нескольких в костюмах аниме-персонажей. Опомнилась я только, когда уже стемнело и оказалось, что автобус, на котором я приехала, больше не ходит. Работа отца предполагала, что примерно раз в три дня у него было ночное дежурство, он уходил в шесть вечера и возвращался домой только в девять утра следующего дня. Сегодня был именно такой день.

Я поужинала в небольшом ресторанчике, раздумывая, как мне попасть домой. К счастью у меня была карточка с названием станции метро. Можно было попробовать доехать на такси, но я расхрабрилась и отправилась покорять токийский метрополитен. Служащая показала мне на какую линию сесть и где потом пересесть. Я вошла в вагон и удивилась стоявшему там запаху алкоголя. Потом вспомнила, что сегодня пятница. Офисные служащие развлекаются и возвращаются из баров. Я видела множество девочек в ярких платьях, едва прикрывающих бедро, лицо у них при этом было совершенно отстраненное, словно они одеты как минимум в паранджу.

Я встала в углу, считая остановки до точки, где мне полагалось пересесть. Через день мне предстояло проделать путь домой и, глядя в окно я задумалась. Внезапно я почувствовала движение у своего бедра. Сначала я думала, что мне показалось, но потом явственно почувствовала руку, лапающую меня пониже спины. Я окаменела, тело слушалось с трудом. Я обернулась и увидела мерзкого, другого слова не подобрать, мерзкого мужика, который одной рукой залез мне между ног, а второй поглаживал свои жидкие выцветшие усишки. Мне стало дурно. Я отодвинулась от него, но через несколько секунд он снова сделал шаг ко мне, и его рука снова устремилась под мою куртку. Тут двери распахнулись, и я рванула к выходу. Я выскочила из метро и почти бежала вперед, не смея обернуться. Такое произошло со мной впервые, хотя я слышала рассказы подруг о чем то подобном. Меня трясло, и я шла вперед и вперед, мне все время казалось, что кто-то идет за мной, я шарахалась от скоплений людей.

Через какое-то время я пришла в себя на узкой улочке, с единственным фонарем. Я вернулась на дорогу побольше, но и она оказалась совершенно незнакомой.

Внезапно пошел дождь. Прежде чем я успела понять, что происходит и дойти до укрытия моя куртка промокла. Я впервые попала под такой холодный дождь, он длился минут пять, но мне хватило. Почему зимой идет дождь, где я нахожусь, к кому мне обратиться за помощью? Карточки со станцией метро не оказалось в кармане. Выронила в спешке?

Я не знала, что мне делать. Я промерзла до костей, зубы постукивали друг о друга. Ночная улица выглядела абсолютно незнакомой, это офисный район. Я могу сесть на автобус, но куда он меня повезет? А если я уеду еще дальше, вдруг в какое-нибудь автобусное депо, уже ночь ведь! Но в автобусе, по крайней мере, тепло, рассудила я и направилась на поиски остановки. Перспектива

потеряться в огромном городе, где никто не может ответить на мои вопросы, ужасала. Поэтому я просто шла вперед, чтобы согреться. Я прошла квартал или два, видела пару крошечных баров, из которых доносились крики и смех. Постаралась ускорить шаг, вскоре надо мной нависла уходящая вверх эстакада. Я повернула назад и замерла посреди улицы, беспомощно озираясь. Впервые, за вечер мне стало по-настоящему страшно. Сердце часто билось. Мне придется провести ночь в токийских подворотнях? Что еще может произойти со мной в этот отвратительный вечер? Я почувствовала нарастающую панику. Редкие прохожие проходили мимо, не глядя на меня. У всех были свои дела. Папа не хватится меня до утра. Меня начало трясти, я обхватила себя руками и тут встретилась с ним глазами.

Прямо напротив меня стоял высокий молодой человек. Дождь он явно переждал в помещении, на узком пальто не было ни следа влаги. Темные волосы были небрежно взъерошены и зачесаны назад. В вороте пальто виден галстук, но в целом он производил впечатление скорее музыканта, чем офисного рабочего. Наушники на шее, кожаная сумка с ремнем поперек груди и высокие ботинки разбивали строгий офисный дресс-код.

Мы стояли друг напротив друга, редкие прохожие огибали нас. Поэтому я и задержала на нем взгляд, он не прошел мимо, остановился, и теперь я стояла, несмотря на неловкость, не в силах отвести взгляд.

Я даже не представляла, что существуют такие красивые японцы. До этого в метро или на улицах, я встречала парней с красивыми миндалевидными глазами, видела стильных, видела мальчиков с высокими скулами. Пару раз видела нос с горбинкой, как у этого парня, но такого завораживающего сочетания черт – ни разу. Скулы и подбородок были нарисованы одним твердым росчерком, у него не было ничего общего с сахарными мальчиками из японской рекламы. Он был другим.

Мы стояли, смотря друг на друга, как герои плохой комедии. Потом он подошел ближе.

Спросил меня о чем-то. Я беспомощно пожала плечами. Спросил по-английски, и тут мне нужно было провалиться сквозь землю от стыда, я не говорю по-английски.

– Я учила в школе немецкий, – сказала я удрученно. – Плохо учила.

Отлично. Теперь я стою на темной улице с парнем-фотомоделью, который явно хочет мне помочь, но не могу сказать ему ни слова, потому что не говорю ни на одном из международных языков. Он выглядел озадаченным. Снова спросил что-то по-английски, повторил медленнее.

– Да. Точно. Если ты повторишь еще пару десятков раз я, определенно пойму. Возможно, к утру я заговорю по-японски, также.

Ирония была неуместна, но что мне оставалось? Я звонко чихнула. Парень не оставлял попыток:

– Ю, оукей? – это было единственное, что я поняла.

– Ноу! Ноу оукей, – я почувствовала, что сейчас заплачу. – Я в незнакомом городе, не знаю куда идти и что делать. Ночь, мне холодно, вокруг ни одного европейца, автобусы тоже не ходят, а если и ходят, то я не знаю куда ехать. Мудила из метро, наверное, уже спокойно спит в своей постели, а я, как дура, разговариваю с парнем, который не понимает ни одного моего слова. Я не оукей!

Мои губы дрожали. Я обвела вокруг себя нервным жестом, который должен был продемонстрировать мое отчаяние.

Парень приложил руку к уху, словно звонил по мобильному. Я покачала головой. Он вынул из кармана мобильный телефон и протянул мне. Я снова покачала головой, потом постучала по ней ладонью для наглядности.

– Я не помню папиного номера. Мне некому звонить.

Он задумался, потом достал бумажник. Я замотала головой сильнее и вытащила из кармана пару купюр.

– Спасибо, у меня есть деньги.

Мы снова смотрели друг на друга, словно два инопланетянина.

Потом он снова достал телефон и набрал что-то в поисковике. Протянул мне политическую карту мира. Я ткнула в Россию пальцем, он кивнул и открыл гугл-переводчик. Протянул мне.

Я сменила поля перевода и напечатала "не знаю где я, не знаю адрес".

Мой новый знакомый озадаченно уставился на результат перевода. Я стерла и написала просто "потерялась", он кивнул. Было очевидно, что он не знает, что со мной делать. Немудрено, как бы я поступила на его месте? Отвела бы в милицию? От этой мысли меня прошиб холодный пот. А это ведь самое логичное завершение сегодняшнего вечера. Ничего не знаю о японской полиции, но я туда точно не хочу! Лучше я уж погуляю до утра. Подумаешь, воспаление легких схвачу. Нужно идти.

Я с сожалением отвела взгляд, попыталась изобразить улыбку. Вышло не очень, поэтому я бодро помахала ему рукой и направилась в сторону, откуда, как мне казалось, я пришла. Я старалась не оборачиваться, но на перекрестке, бросила взгляд назад. Парень смотрел вслед, но не пошел за мной.

В конце концов, я оказала ему услугу. Я слышала, что японские мужчины не любят оказываться в неловкой ситуации. Должно быть, поэтому прохожие не спешили мне помочь. А может они просто устали после дня на работе и спешили домой? Домой. Я вздохнула, душу бы продала за чашку чая.

Тут, словно в ответ на мои мысли рядом показался волшебный автомат, где продавали горячие напитки. Я просунула монету в монетоприемник и через минуту у меня в руках была горячая баночка с кофе. Я жадно выпила половину и замерла, согревая пальцы о банку. Весь мой длинный вечер навалился мне на плечи. Рекламные надписи предлагали неизвестные товары и услуги, вездесущая мерцающая реклама умножалась в отражениях офисных стекол. На бегущей строке промелькнуло время. 11: 20! Кто-то сожрал все мое время. Ноги очень замерзли. Мысли путались, наверное, днем и менее уставшая я бы сообразила что предпринять, но сейчас я не могла даже выбрать в какую сторону повернуть на перекрестке. Вспоминая тот вечер сейчас, я понимаю, что все мои действия были не совсем нормальными. Но мне есть чем оправдаться, холод усталость и страх окончательно дезориентировали меня.

Я дошла до лавочки и села, уставившись перед собой. Как же я устала. Запахнула ворот и засунула руки в карманы. Кажется, даже закрыла глаза, когда рядом раздался знакомый низкий голос.

Парень, с которым мы разговаривали на соседней улице стоял рядом. Я устало посмотрела на него. Мои языковые навыки не улучшились, и дорогу я не вспомнила.

– Спасибо, что попытался помочь, но я, правда, как-нибудь обойдусь.

Он нахмурил брови и принялся искать что-то в телефоне.

В этот момент на перекрестке показалось такси. Секунду он смотрел на него, затем поднял руку. Такси остановилось, он поговорил с водителем и приглашающим жестом открыл заднюю дверь. Я колебалась, но мне почему-то очень не хотелось, чтобы он уезжал. Мне было холодно и страшно. Я скрестила в кармане пальцы и села в такси.

Мы ехали по ночному городу. Такси было безупречным, внутри пахло только свежим пластиком отделки, на потолке все еще была заводская защитная пленка. На руках водителя белые перчатки. Накидки на креслах белоснежные с кружавчиками, серьезно, кружавчиками по краю! Желтая машина плавно двигалась по опустевшим улицам. Мой внезапный спутник сидел рядом, задумчиво уставившись в окно. Глубина языковой и культурной пропасти между нами не позволяла мне даже приблизительно предположить, о чем он думает, провожая взглядом убегающие огни. Я должна была чувствовать благодарность, но чувствовала скорее раздражение. Ненавижу быть обузой, а в такой ситуации я вообще чувствовала себя скорее потерянной животинкой, чем человеком. Как бы в подтверждение моим словам, водитель обернулся, смерил меня взглядом, усмехнулся и сказал что-то одобрительное моему спутнику. Тот нахмурился и резко ответил, изменившимся, хлестким голосом. Водитель замолчал, выпрямился и уставился перед собой.

Мы просто сидели рядом. Наши плечи не соприкасались. Мы не смотрели друг на друга. И чем дольше двигалась машина, тем очевиднее я ощущала электрическое тепло, исходившее от него. Я посмотрела на свою руку, лежавшую на сиденье ближе к нему. Скорее всего, холод и стресс были причиной, но я кажется, могла потрогать упругую границу между нашими

телами. Мою руку, лежащую в паре сантиметров от его руки, покалывало, я скосила глаза и увидела, что он тоже смотрит на свои пальцы. Я сунула руку в карман и отвернулась к противоположному окну, мы въехали в небольшой переулок, машина остановилась.

Мой спутник расплатился и через минуту мы стояли в чистеньком подъезде. В ожидании лифта я украдкой рассматривала его, мне определенно нравилось его лицо. В конце концов, если мне суждено погибнуть от рук маньяка – пусть он хотя бы будет симпатичным! Я улыбнулась этой мысли, а потом снова чихнула. Стало ужасно холодно. Незнакомец вошел в лифт первым, я споткнулась о порог и чуть не упала. Он дотронулся до моего рукава и покачал головой. Да, моя одежда насквозь промокла.

Он отпер дверь, и мы очутились в небольшой гостиной-кухне. С первого взгляда было ясно, что он живет один. Я и обрадовалась и расстроилась. С одной стороны было странно оказаться наедине с незнакомым парнем, с другой стороны разбудить среди ночи, чью то родню мне тоже не улыбалось.

Мы разулись, от моих носков на полу остались мокрые следы. Он снял пальто, пиджак и остался в белой рубашке с узким галстуком. Я никогда не видела, чтобы такие носили, но ему ужасно шло. Даже без ботинок, он был почти на голову выше меня, высокий для азиата.

Видимо еще до того, как вернуться за мной он решил, что будет делать дальше, потому что без промедления скрылся в соседней комнате. Я прислонилась к двери, уныло обдумывая пути побега. Японец вернулся со стопкой вещей. Открыл дверь в ванную, положил вещи рядом с раковиной, вышел и пригласил меня войти. Я тщательно заперла за собой дверь и приступила к осмотру новообретенных богатств. В стопке лежали полотенце, чистая футболка, полосатые пижамные штаны, фен и носки. Я невольно улыбнулась.

Поверх стопки лежал запечатанный пакет с красной одноразовой щеткой из какой-то гостиницы. Ванная была небольшой и довольно аскетичной, как и в квартире, что снимал отец. Но вот количеству баночек на полках позавидовала бы любая моя подруга. Я задумчиво покрутила пару в руках, но понять их предназначение было затруднительно. Поэтому я просто отыскала зубную пасту и с огромным наслаждением встала под горячий душ. Горячая вода смывала с меня нервозность и тревоги сегодняшнего дня. Я бы осталась в нем навсегда, но, к сожалению, этот фантастический вариант пришлось отмести.

Переодевшись и кое-как высушив волосы, я покинула ванную, оставив мокрую одежду на вешалке под вытяжкой.

Осторожно вышла на кухню. Хозяин дома, все еще в рубашке с галстуком закатав рукава, стоял за кухонным столом, сделанным в виде барной стойки. При моем появлении он поднял голову, и мы снова обменялись неловко-долгим взглядом. Я немного подвернула пижамные штанины и носки мне были великоваты, но в целом было удобно. Он посмотрел на мои подвернутые штанины и улыбнулся чему-то своему. Поставил передо мной кружку термос и отпил из такой же.

Меня уже начало забавлять это безмолвное общение. Когда ты разговариваешь с русскоговорящим человеком, тебе необязательно внимательно смотреть на него, у тебя есть другие каналы связи. С неравнодушным японцем так не выходило. Мы почти постоянно смотрели друг на друга: выражение глаз, жесты, позы, кажется, я никогда в жизни не смотрела на другого человека так внимательно. И я все равно не понимала его. Трудно описать, но он даже брови хмурил и плечами пожимал не так как знакомые мне парни. Я ощущала себя очень глупой и досадовала, что не изучала английский до этой злополучной поездки. С другой стороны я уже как-то поверила, что со мной не случится ничего плохого и просто радовалась, что мне больше не нужно стоять на холодной мокрой улице.

В кружке была горячая вода, с каким то цитрусом. Было непривычно пить просто горячую воду, но согревала она не хуже чем чай, кроме того я уже почистила зубы.

Он, подперев подбородок рукой, смотрел, как я пью. Мне было неловко от его взгляда. Звучит абсурдно, но я физически ощущала, как его темные глаза постоянно касаются взглядом моей кожи.

Когда я допила, он позвал меня за собой. Комната, из которой он принес одежду, оказалась спальней. Очень маленькая, с традиционными татами на полу. Как и ожидалось, вместо кровати там лежал матрас. На краю сложенное одеяло и пара подушек. Я обернулась на японца, он стоял чуть сзади, неизменно поддерживая дистанцию между нами. Он приложил ладонь к щеке, словно клал голову на подушку. Я вопросительно подняла брови и показала на него. Господи, только бы не подумал, что это приглашение. Но он понял, показал на диван в гостиной, на нем лежало свернутое одеяло. Я прошептала "оригато" и закрыла дверь. Кажется, таких наглых гостей Япония еще не видывала.

В квартире ожидаемо было холодно. Я забралась в кровать, закуталась в одеяло и, несмотря на непривычную обстановку, уснула, как только моя голова коснулась подушки.

Глава 3

Мне снились рваные, мерзкие сны. Я стояла в подворотне, прислонившись к склизкой каменной стене. Тощие, облезлые собаки обступили меня полукругом. С их желтых зубов капала пена, они не лаяли, просто стояли и сверлили меня злыми глазами. Я боялась двинуться, одна из собак подошла ко мне, клацнула лишайной челюстью у самых ног. Вдруг она положила костлявую лапу мне на колено и двигая юбку вверх заскулила голосом начкафедры: Нина, это просто учебная необходимость, потерпи!

Я вскрикнула и проснулась в ночи незнакомой квартиры, дрожа от холода, события предыдущего дня градом обрушились на меня, и я задохнулась от их тяжести. Я держалась весь вечер, слезы подступили к горлу, и я сначала тихо, прикусывая кулак, потом громче и громче зарыдала. Я рыдала в голос, меня трясло и тошнило так, что я испугалась – сейчас вырвет прямо на чужую простынь. Старалась сдержать рыдания, но они вырывались и душили меня лязгающими собачьими звуками. Дверь зашуршала и в проеме показалась фигура хозяина. Я попыталась сказать, что мне жаль, но вместо этого слезы хлынули из моих глаз с двойной силой. Я зарылась лицом в подушку и, содрогаясь от плача, почувствовала, как он сел на футон рядом со мной. Я пыталась остановиться, но тугая пружина во мне раскручивалась с ужасающей силой. Никак, мне никак не остановиться. Его рука легла на одеяло на моей спине, и он что-то успокаивающе зашептал. Я попросила бы его уйти, но, во-первых не знала слов, во-вторых не могла говорить из-за рыданий, а в-третьих я не хотела, чтобы он уходил. Он гладил меня по спине, а я все плакала, задыхаясь от стыда и страха. Смутно помню, как это произошло, но я оказалась внутри его сомкнутых рук. Мой нос упирался как раз в ворот его пижамы, и внезапно мне стало наплевать на все на свете. Мое тело расслабилось, как будто его выключили из розетки, и я перестала плакать. Мое судорожное дыхание стихало с каждым вдохом, прямо тут под моей правой ладонью я чувствовала удары его сердца. Японец был ужасно горячим, только сейчас я почувствовала, насколько замерзла. От него пахло мылом, нагретым на солнце деревом, сухой

травой. Наверное, у меня был нервный срыв. Я закрыла глаза. Мне было тепло, спокойно, безопасно и уютно как никогда. Я была дома.

Я провалилась в сон, не успев осознать, что происходит. И этот сон был глубоким, крепким и надежным, как опоры сейсмоустойчивого здания. Я больше не беспокоилась ни о чем. Просто спала.

В следующий раз проснулась я, как от толчка, перед рассветом. Комната была заполнена призрачным полумраком. Я все так же лежала, уткнувшись носом в грудь обнимающего меня незнакомца. Разве люди могут так пахнуть? Пахнуть домом, воспоминаниями, солнцем? Я лежала, не двигаясь, просто слушала его равномерное дыхание и втягивала носом чудесный запах его кожи. Потом я осторожно подняла голову и взглянула вверх в его лицо. Думала, что он спит, но встретилась взглядом с парой темных глаз в десяти сантиметрах от моего лица. Кровь прихлынула к моим щекам, и я вспыхнула, наверное, до мизинцев ног, но он по-прежнему обнимал меня, и бежать было глупо. Поэтому я просто смотрела ему в глаза в этом рассветном полумраке. И чем дольше мы лежали вот так молча, смотря друг другу в глаза, тем меньше места было в моей груди. Словно у меня в солнечном сплетении разрастался огромный горячий комок, заполняя мою грудь, живот, всю меня изнутри. Мои ладони горели, сердце делало промежутки между ударами все длиннее. И мне казалось, он видит это сквозь меня. Золотая пыль, пляшущая в солнечном луче, вот чем я была в эти секунды. Или часы. Когда я с усилием опустила голову и вспомнила, что нужно дышать тело снова расслабилось и я заснула, не успев досчитать до десяти.

Когда я проснулась в следующий раз, в спальне было пусто. Осторожно поднявшись, выглянула в щель между створками двери. Мой новый знакомый в синих брюках и тонком сером пуловере возился на кухне. Его мокрые, после душа, волосы темными прядями прилипли ко лбу. Утреннее солнце мягко очерчивало его фигуру. Он откинул влажную прядь со лба, мое сердце ухнуло вниз, и я поспешно отпрянула от двери. Стоило признать, что при солнечном свете этот парень выглядит еще лучше, чем вчера вечером. Он был стройным, но с хорошо обрисованными мышцами плеч. Неяпонский японец. Я сложила одеяло на краю футона и вышла в комнату, нарочно шумно открыв дверь. Мы обменялись приветственным взглядом.

Теперь я видела, что глаза у него не черные, а карие, приятного теплого оттенка. Я направилась было в ванную, но он показал мне на стул, там лежали мои джинсы, носки и свитер. Сухие и чистые! Когда он успел их постирать и

высушить, я ошарашенно обернулась с открытым ртом и носками в руках. Он посмотрел на меня, носки и неожиданно широко, почти по-американски улыбнулся. Я вздрогнула и сбежала в ванную. Я то думала, на сегодня мое сердце продемонстрировало весь набор имеющихся у него кульбитов. Этот парень выводит меня из себя.

Я почистила зубы, оставила пижаму около раковины, и, подумав, сунула зубную щетку в задний карман джинсов.

А потом я сидела, положив голову на стойку, и смотрела, как он готовит завтрак. Я никогда не видела японца готовящего завтрак, и никогда не видела парня готовящего завтрак, поэтому для меня это было двойным аттракционом.

Он нарезал кубиками овощи и грибы, нагрел на плите бульон для супа и бросил их туда. Потом зачерпнул ложку желтой пасты из банки, развел ее в маленькой тарелке бульона и вылил в суп. Взбил яйца в миске и вылил в сковороду. Поджарил кусок розовой рыбы до хрустящей корочки. Достал из рисоварки пару чашек теплого риса. Положил в маленькую миску что-то вроде квашеной капусты. Аккуратно расставил все это на столе в разнообразных мисках и мисочках, их было больше десятка, и позвал меня завтракать.

Наблюдать за ним было приятно. Он двигался, не задумываясь, явно выполняя одни и те же экономные, но изящные движения день за днем. Его руки аккуратно нарезали, смешивали, наливали, переворачивали. Иногда он поднимал глаза и улыбался мне самым краешком губ, как старой знакомой. Мне было хорошо.

Потом мы завтракали за круглым деревянным столом у окна. И все было очень вкусно, я, кажется, впервые ела такую – полностью японскую – еду. Пока я ела рыбу, внезапно, меня озарила гениальная идея.

– Империал!

Хозяин квартиры посмотрел на меня вопросительно.

– Отель империал, мне нужно в отель Империал, а оттуда я найду дорогу!

– Империал хоутел? – уточнил он, вычленив главное из моей тирады.

Я радостно закивала головой. Он кивнул и невозмутимо показал на мою тарелку. Я покорно принялась за еду.

Через десять минут мы ехали в такси по утренним автострадам. Еще в лифте я ощутила знакомое покалывание в руке, которая была ближе к нему. В такси это ощущение только усилилось. Я рассматривала проплывающие мимо дороги жилые дома. Окна некоторых были всего в нескольких метрах от высокой автострады, и я видела, как люди в них готовят завтрак, гладят одежду и занимаются прочими утренними делами. Не знаю, зачем он поехал со мной, возможно, хотел убедиться, что я снова не запутаюсь в трех указателях. Мне так тоже было спокойнее, поэтому я не возражала.

Мы вышли напротив отеля. Дальше дорогу было нетрудно найти, мы прошли два квартала, пересекли автостраду, свернули во дворы и скоро оказались у двухэтажного домика, где снимал квартиру отец. При виде этого серого облезлого домика я чуть не заплакала от счастья. Я показала своему спутнику ключи. Он кивнул и приложил палец к наручным часам. Еще бы, ему давно пора на работу. Он сейчас уйдет. Мы стояли молча, я не знала, что полагается делать в Японии, если вы случайно спали обнявшись. Внезапно события ночи как живые промелькнули передо мной. Больше всего в тот момент мне хотелось подойти к нему близко-близко и снова вдохнуть этот солнечный аромат. Но сейчас не ночь и я больше не потерявшаяся девочка. Завтра меня ждет Россия, и я с сожалением поднялась по ступеням. С террасы второго этажа я видела, как он обернулся. Мы в последний раз встретились глазами, и он скрылся за углом. Я повернула ключ, вошла в квартиру и разделась. Поставила еще влажные ботинки на подоконник. Включила чайник. Через минуту с ночной смены вернулся отец.

Он не заметил, что дома никто не ночевал.

День мы решили провести в большом торговом центре, купить сувениров, пообедать и немного обновить мой гардероб.

Вечером, сидя у окна, я вдруг поняла, что моя нежданная Япония кончается. Время сыпется вниз, возможно я больше никогда сюда не вернусь. В августе закончится годовой контракт моего отца, и нет никаких причин лететь сюда.

Папа заметил, что я рассеяна, но списал это на нежелание возвращаться к учебе и расставаться с ним.

Утром, садясь в такси, я постоянно оглядывалась. Мне казалось, волшебные истории не могут заканчиваться просто так. Вдруг он решит встретиться со мной еще раз. Может быть, я просто находка для одинокого японца? Или наоборот? Может быть, я с его точки зрения совсем непривлекательна. Именно этим объясняется целомудренность прошлой ночи?

Отец обнял меня в последний раз, и я скрылась за стойкой таможенного контроля. Красивые мечты, как яичная скорлупа разрушились о серый бетон реальности.

Мама встретила меня в аэропорту, всю дорогу до дома она обнимала меня и повторяла, как она соскучилась. Стоило включить телефон, как на него пришло сообщение от Риты, а через минуту она позвонила.

– Да, конечно приезжай, – засмеялась я. – У меня есть для тебя подарок.

Мы заперлись в комнате, и я с улыбкой смотрела, как подруга распаковывает кошелек и блокнот с милыми котятами на обложке. Журавлика я тоже привезла.

– Какая прелесть! Это самый красивый кошелек на свете, спасибо Ниночка, мне как раз такого не хватало!

После горячих приветствий мы принялись обмениваться новостями. Ритин бойфренд продолжал быть заботливым, но умудрялся давать поводы для ревности.

– Что значит ревнуешь? А как же жена?

– Жена это другое. Там все по чувству долга, мне наплевать. А вот то, что его видели с блондинкой в пятницу, за это он у меня еще попляшет, я ему всю кровь сверну!

Она это говорила почти радостно, видно было, что соскучилась по эмоциям. Не так то просто оказалось быть покорной любовницей.

Я охотно отвечала на вопросы о красивых местах Токио, показывала фотографии, но о ночном приключении умолчала. Как рассказать о том, о чем даже вспоминать трудно. Воспоминания делали меня беспомощной. Объятия, глаза, луч света, играющий с пылинками. И он просто ушел. Я никогда больше его не увижу.

Я разобрала вещи и унесла грязные в стирку. Прежде чем отправить джинсы в корзину я обшарила карманы и тут, в руке очутился листок плотной бумаги. Я машинально развернула и замерла. Это был желтый стикер с несколькими словами на английском и номером телефона. Это были те самые джинсы, вероятно он положил записку в карман, пока я спала. Мои губы пересохли, казалось, если я заговорю они осыпятся вниз, как штукатурка. Не знаю, как мне удалось выдержать остаток вечера. Я сослалась на усталость после перелета и попрощалась с Ритой. Мама принесла мне чаю, я устроилась перед ноутбуком и запустила переводчик.

"Извини, если я сделал что-то не так.

Телефонный номер и логин скайп. Хиро"

Он оставил мне телефон. Я могла позвонить. Я могла увидеть его еще раз.

Потом я немного остыла, ну позвонила бы я, что с того? Все равно не знаю, что сказать.

Хиро. Так вот, как тебя зовут, добрый самаритянин. Я произнесла пару раз про себя. Потом шепотом вслух. Имя было морозно-хрустящим, ломким, как тонкий утренний лед, на осенних лужах.

Я взяла телефон и набрала в скайпе его логин. На аватаре был, какой то аниме-зверек. Вдохнула поглубже и отправила ему запрос на добавление в друзья.

Он тут же был одобрен.

"Привет" написал он.

"Привет" ответила я. На этом мой словарный запас английского закончился.

"Как у тебя дела?" Для этого мне уже потребовался переводчик. Как у меня дела? Я не знаю. Они были бы лучше, будь ты немного ближе. Как нам общаться? Пару минут я пыталась нервно сформулировать что-то на русском. Потом на английском. Получалось отвратительно. Картонные, шаблонные, ничего не значащие слова. Тогда я подумала, в конце концов, лучше один раз увидеть.

Я открыла окно и сфотографировала ночную заснеженную улицу. Подумала секунду и отправила.

"Россия?" тут же спросил он.

"Да"

Потом было молчание. А я сидела уставившись на телефон, словно на него транслировался гипносеанс. Чуть не подпрыгнула от звука входящего сообщения. Фото.

Вагон метро, в темном стекле отражается Хиро. На голове наушники, смотрит в камеру. Яркое освещение, наклейки призывающие не разговаривать по телефону в метро, множество людей – я словно на несколько секунд вернулась в Токио. Перед сном я долго-долго медитировала на это фото. Так начался мой телефонный роман.

Глава 4

Семестр начался скучно и предсказуемо.

Я получила "удовлетворительно" за пересданный экзамен. Не знаю, кого удовлетворяют тройки. Возможно учебную комиссию?

В первый же учебный день Рита разругалась со своим любовником и сидела злая, с темными кругами под глазами. Бормотала, как она ненавидит его в частности и мужиков вообще. Намекала на химическую кастрацию, как действенный метод решения проблемы супружеской верности.

А я сидела, как на иголках – телефон жег мне карман. Чтобы не выглядеть дурой перед самой собой я твердо решила не проверять его чаще, чем раз в пятнадцать минут.

В перерыве между парами мы пошли в буфет. В толчее я не сразу почувствовала вибрацию сообщения и когда проверила телефон, там были сразу две фотографии. Рука с банкой кофе и кусочком автомата. И рабочий стол с несколькими разноцветными папками и сразу двумя мониторами. Я задумчиво рассматривала стол. На некоторых документах были расклеены разноцветные стикеры, в углу лежала печать, на мониторах происходило что-то совершенно непонятное. Кем же работает мой нежданный спаситель?

Я сфотографировала стаканчик с чаем и шоколадку у себя на столе. Отправить.

– Что ты делаешь?

Рита удивленно заглянула через плечо. Я убрала телефон и перевела тему.

В течение следующей недели мы обменивались десятком фотографий в день. Эта игра заставила меня под другим углом взглянуть на мир вокруг меня. Кто я такая? Как выглядят мои будни? Чем я отличаюсь от других людей? Вот заиндевевшие ветви деревьев, по пути к остановке. Это мои ботинки со стертыми носами. Рассвет в полоске, между жалюзи лекционной. Рисунки на полях моих тетрадей. Мое отражение в витрине. Афиша фильма, на который я хочу сходить. Розовый край моей пижамы. Зимний двор с балкона шестнадцатиэтажки. Мое детское фото из семейного альбома. Очередь в супермаркете.

И с каждым фото у меня появлялся кусочек его жизни.

Его работа, плеер, разноцветные рубашки, стильные галстуки. Метро, автобусы, иногда такси. Кусочки блестящего, или по-утреннему серого Токио вокруг него. Витражное окно пятничного бара. Мы смотрели на рассветы и закаты глазами друг друга, фотографировали полки в супермаркетах и зубные щетки. Мы ходили по улицам одних и тех же городов, пили из чашек друг друга, слушали незнакомую музыку, заглядывали друг другу через плечо, а иногда в глаза. Все это без единого слова.

Я чувствовала себя вором, влезшим в чужую жизнь. Мне нравилось быть в его жизни. Мне нравилось, что он был в моей.

Хиро очень много работал.

Даже вечера дома он проводил за какими-то рабочими задачами. В метро просматривал почту, за обедом разговаривал по рабочим вопросам. Чем больше я смотрела на это, тем более бессмысленной казалось мне собственное времяпровождение. Я стала тщательнее заполнять лекционные тетради и аккуратнее готовиться дома.

Языковая беспомощность нашей встречи оставила на мне неизгладимый отпечаток. Поэтому через неделю после возвращения я пришла домой с самоучителем "английский для чайников" и записью на курсы английского языка.

Фото самоучителя развеселило Хиро. Он написал "удачи" и прислал рисунок девушки в шапке-конфедератке.

Час после университета я проводила на курсах, и еще час в воскресенье был отведен под "клуб разговорного английского".

В клубе мне дали совет по поводу просмотра фильмов – смотреть интересное кино в оригинале, даже если поначалу ничего не понимаешь.

И я смотрела. Смотрела с английскими же субтитрами, чтобы можно было уловить визуальный образ слова. Смотрела один и тот же фильм несколько раз подряд, пока некоторые фразы не начинала помнить наизусть.

И теперь понемногу я могла помимо фото, присылать ему короткие сообщения.

Первым делом, я набралась смелости и сфотографировала его записку.

"извини, если сделал, что-то не так" и дописала: спасибо, ты меня спас. В ответ он прислал:

"Чувствую себя супергероем"

Не знаю, насчет суперспособностей, но у меня определенно появилось много энергии. Той ночью, внутри меня загорелась идея, сначала неоформленная, но чем больше я о ней думала, тем вероятнее она казалась.

Мне нужно вернуться в Токио.

Там остались незаконченные дела, недодуманные мысли. И мальчик, от одного взгляда которого у меня начинали гореть подошвы.

Мне не очень часто чего-то хотелось так сильно. Первым делом я составила реальную смету поездки. Просить отца еще раз казалось безответственным, кроме того весной у него должен был быть отпуск и он планировал провести его дома. Значит самое реальное это поехать летом. До лета мне нужно заработать достаточно денег и выучить английский. Для начала задача казалась вполне подъемной.

"Ты хорошо говоришь по-английски?"

"Довольно свободно, я прожил в США пару лет"

О. Японские офисные работники не так просты, как кажутся на первый взгляд. Успел повидать мир. Неудивительно, что он оказался более склонен к авантюрам, чем остальные прохожие.

Я вспомнила его широкую, открытую улыбку. Теперь этому тоже нашлось объяснение.

Окружающая реальность каждый раз врывалась в наши неспешные диалоги, как порыв ветра, распахивающий окно. Обычно в качестве посла реальности выступала Рита. Иногда ей помогали мама и Рома.

Мама была очень обрадована моим рвением в изучении английского. Она сама помнила его только на школьном уровне, но пару раз даже присоединялась к моим фильмосеансам, честно пытаясь уловить суть происходящего на экране. Мне очень повезло с родителями.

Риту интриговали мои зависания в телефоне ровно до тех пор, пока я не сообщила, что переписываюсь с "японцем, которого нашла в рамках взаимообучения". Японцы Риту не интересовали, поэтому она пару раз вяло потрясла меня на предмет фото и оставила в покое. Врать не слишком хорошо, но мне не хотелось делить Хиро с кем то. Пока он оставался тайной моего скайпа, моих мыслей и моих снов, я могла делать вид, что мои мечты реальны.

Иногда ночью, в полусне я почти чувствовала его объятия. Но когда просыпалась, рядом было неизменно пусто. И холодно.

Мне очень повезло с преподавателем на курсах. Невысокая темноволосая женщина была до дрожи влюблена в язык. Она преподавала так, будто от результата занятия зависели наши жизни. Веснушчатый подбородок подрагивал, глаза затуманивались, у доски она не ходила, а пританцовывала.

Когда занятие заканчивалось из нее, словно вынимали пружинку, и она обмякала на стуле, расслаблялась и принималась накапливать энергию для последующих занятий.

Ее советы в плане организации самостоятельных занятий, просмотра фильмов, поиска знакомых сочетаний в музыке оказались бесценными и определили мою стратегию в изучении иностранных языков на много лет вперед.

Клуб английского языка оказался чуть менее полезен. Но он давал возможность применить мои кривенькие, новорожденные речевые навыки на практике. Мы обсуждали выпечку, косметику, преподавателей и погоду. Ребята оказались очень доброжелательными – специально для новичков они переключались со сложных обсуждений на более простые темы и подбадривали меня и еще парочку новеньких, побуждая включаться в разговор.

Через пару недель занятий я расхрабрилась и принесла на занятие запись любимой песни и в трех словах объяснила, что именно мне нравится. Кажется, я прекратила быть жителем страны немых.

Неожиданные успехи окрылили меня. Если поначалу казалось странным и стыдным предпринимать какие-то шаги, только из-за понравившегося парня, то теперь я стала получать удовольствие от самого процесса. В детстве я ходила в школу, которую выбрали родители. Кружки предлагали учителя. Лето

проводила, где было удобнее. Впервые я делала что-то потому, что так решила сама.

Однажды вечером я неожиданно попросила Хиро прислать мне его фото.

Он улыбался в камеру, явно в отблесках монитора. Нос был сморщен, а от глаз разбегались морщинки. Говорят, человек улыбается по настоящему, когда улыбаются его глаза. На голове неизменные наушники.

"Ты любишь музыку? Всегда в наушниках"

"Подростком я даже играл в рок-группе" пришел неожиданный ответ, сопровождаемый смайлом.

Даже так. Хотя я могла бы догадаться. В его движениях, даже в том, как он собирал вещи, было что-то ммм ритмичное?

"На чем ты играешь?"

"Бас-гитара"

Я одобрительно кивнула телефону. Японец бас-гитарист, чудесно, просто чудесно.

В какой-то момент времени, сама не знаю как наши разговоры стали более личными. Вопросы, которые мы задавали друг другу, вряд ли мы задали бы глядя друг другу в глаза.

"Ты гей?"

"Я похож на гея?!"

"Я не знаю, как выглядят японские геи"

Он немедленно прислал мне фото напомаженного мальчика.

"Сделаю вид, что мне неинтересно как это фото к тебе попало"

"Гугл! Это был Гугл, бессовестная русская девочка!"

Сообщение. Ответить. Домашнее задание. Курсы. Рита. Мама. Сообщение.

Так проходили мои дни. В конце февраля я зашла в кофейню недалеко от университета и увидела объявление о поиске официанта.

Ко мне вышла улыбчивая блондинка с серьгой в носу. Она очень приветливо все показала и рассказала, что у них наплыв посетителей по вечерам и им требуется человек с четырех до десяти на шесть дней в неделю. Такой график меня устраивал, и я заполнила анкету. Через день мне перезвонили, и первого марта я вышла на работу на полставки в качестве официантки.

Отправила фото в фирменной футболке и коричневом фартуке Хиро. Он очень оживился.

"Я подрабатывал барристой, во время учебы. Попробую найти фотографию вечером. Я ужинаю у родителей, думаю, у них сохранились"

На фото его волосы были чуть более длинными. Он стоял у стойки в черном фартуке, а рядом приветственно поднимала кофейник девочка с заячьими ушами на голове.

Сначала мне казалось, что я буду чувствовать себя неловко в качестве обслуживающего персонала, но на моей новой работе царила очень живая непринужденная атмосфера. Девочки все как на подбор были блондинками с немного неформальным стилем одежды. Кроме меня еще одна работала на полставки, и еще трое на полный день с двумя выходными. В итоге по вечерам нас обычно было четверо – одна за стойкой и трое в зале. Мы разносили напитки и десерт, следили за чистотой помещения, а в моменты затишья болтали, делали домашнюю работу (двое девочек учились на заочном) и кривлялись под музыку.

С одной из девочек – Агатой, той самой с кольцом в носу мы сразу сдружились. У нее был легкий характер, несмотря на любые жизненные неурядицы, она всегда

была внимательна к нам и одинаково бодра и весела. "Бобра и весела" говорила она. Не могу похвастаться тем же. С увеличением нагрузки мне стало катастрофически не хватать времени. Иногда я буквально засыпала в маршрутке по дороге домой. После того, как пару раз на неделе я не успевала подготовиться к семинару, я поменяла тактику и стала подходить к преподавателям в четверг пятницу и просить задание на следующую неделю. Часть отнеслась к этому негативно, но убедившись, что мои результаты улучшаются после подготовки на выходных, они закрыли глаза на неточное следование плану. Биолого-психологический факультет все-таки не инженерный, многое я читала в перерывах на работе, в дороге, делала задания во время скучных лекций.

В конце марта Рита познакомилась с "потрясным парнем" и пригласила меня на вечеринку у него дома. Я собиралась туда прямо с работы, Агата сделала мне что-то невообразимое из хвостиков и косичек на голове и, несмотря на протесты, накрасила ярче, чем я это делала обычно.

– Повеселись, Зануда! – со смехом она поставила завершающий штрих на моем лице. – Если серьезно, тебе нужно сбрасывать напряжение, у меня ощущение, что ты к олимпийским играм готовишься.

Я посмотрела на свое отражение с сомнением.

– Что? Не говори только, что это "слишком". Она сделала скучное лицо. Меня зовут Нина, я хочу вкалывать и учиться до посинения, никогда не потрогать живого парня и умереть в окружении десятка кошек.

– При чем тут кошки, – засмеялась я.

– Действительно, бедные кошки совсем не при чем. Зачем их шокировать. Умрешь в одиночестве!

– На самом деле я не то чтобы хочу умереть в одиночестве. Просто не уверена, что в этом городе есть кто-то с кем я хочу встречаться.

И мысленно добавила, или в этой стране. Она посерьезнела.

– Это все из-за того укурыша, с которым ты рассталась прошлым летом? Слушай, тебе просто попался порченый экземпляр, в мире куча прекрасных мужчин, честное слово. Я встречаюсь с Яном со старшей школы и, хотя иногда мне хочется проломить ему башку, я никому его не отдам.

– Нет. Просто есть парень, который мне вроде как нравится.

Она расставляла чашки и помахала подносом так, что чуть не снесла их с полки.

– Тут должно быть но. Но что?

– Эээ. Он вроде как виртуальный.

Она подергала себя за косичку.

– Роман по переписке?

– Даже романом назвать трудно. Просто общаемся.

– Но ты о нем думаешь? Да? Я же вижу, что да, ты покраснела!

Она плюхнулась на подлокотник и захлопала в ладоши.

– Он очень мне нравится. Очень.

– Так в чем же дело? Вы в реале вообще виделись.

– Да, мы познакомились в Токио.

– Погоди! Ты имеешь в виду он японец?

Я кивнула. Агата удивленно присвистнула.

– Ничего себе раскладушечки! В тихом омуте знаешь, кто водится? Японцы водятся.

Я смущенно пожала плечами.

– Он как инопланетянин.

– Чужой, но привлекательный?

– Что-то вроде этого, да. Я про него еще никому не рассказывала. Я даже не уверена, что ему нравлюсь.

Агата задумчиво убирала тряпки и швабры на место. Прошлась, закрывая жалюзи. Мы оделись и, закрыв кафе, пошли к остановке. Подруга набросила на голову серый снуд и мне было не видно ее лица. У остановки она, наконец, обернулась ко мне.

– Нина, ты рассказываешь про него таким голосом… Я тебя такой еще не видела.

– Я сама себя такой не видела.

– Это из-за него ты учишь английский?

Я кивнула. Она попросила показать фото. Я с замиранием сердца дала одно из последних фото, селфи из какого-то бара, где улыбающийся Хиро с волосами, уложенными наверх, оттягивал лацкан куртки перед зеркалом.

Агата сделала рот буквой "о".

– Ничего себе. Слушай, а он просто как мальчик из бойз-бэнда. Я при слове японец представила себе что-то невразумительное. В такого не грех влюбиться.

– Влюбиться – это сильно сказано, – смутилась я.

– Не посмотреть за месяц ни на одного из посетителей, которые к тебя клеятся, а некоторые из них были очень, даже очень-очень ничего, это тоже сильно.

Агате, оказалось, очень легко рассказать. Я словно облегчила душу. Она не осуждала меня и не высмеивала мою детскую увлеченность почти незнакомым

парнем. Наоборот поняла и поддержала меня. Дружеская поддержка – это то, чего мне в последнее время не хватало.

Дом нового Ритиного парня оказался совсем недалеко от моего. Отлично, можно будет дойти пешком! Она встретила меня у подъезда, и мы поднялись наверх, где уже играла музыка, и лилось спиртное. Большинство гостей собрались в гостиной, где шел боксерский поединок с помощью Нинтендо.

Меня вяло поприветствовали, и Рита утащила меня на кухню.

– Саша уехал за Егором.

Она расправила блестящую юбку и одарила меня одобрительным взглядом.

– Ты отлично выглядишь, надо почаще так краситься, – и тут же сменила тему. – Я хочу познакомить тебя с Егором. Он Сашин друг, серьезный парень, учится на информатике, уже работает. И симпатичный.

– Ты все время пытаешься меня куда-то пристроить, Рита. Все нормально со мной, я не пропаду, хватит играть в сваху!

Мое возмущение не произвело никакого эффекта, скорее даже произвело обратный эффект.

– Мы будем ходить на двойные свидания, ездить отдыхать вместе, ну здорово же встречаться с друзьями!

– Родим детей в один день и назовем одинаковыми именами! Уймись, мы даже не видели друг друга!

– Я показала ему твою фотку, и он сказал, что ты симпатичная.

Она молниеносно спряталась за стул. Я зашипела, как чайник:

– Я убью тебя! Честное слово, я тебя когда-нибудь просто…

Звук открывающейся двери предотвратил трагедию. Я бросила на Риту последний злобный взгляд, и в дверях показался румяный Сашка в сопровождении незнакомого друга.

– О, девчонки уже тут. Привет, Нин. Познакомься это Егор, Егор – Нина.

Егор улыбнулся мне. Он показался мне смутно знакомым, возможно, я видела его в кафе. Я подвинулась, чтобы освободить Саше проход на кухню и сбила со стола пустую бутылку – кто вообще оставляет на столе пустые бутылки! – Егор подхватил ее у самого пола, поднял глаза на мое лицо и вдруг расхохотался.

– А мы уже виделись.

Я подняла брови.

– Ты сбила мое зеркало!

Действительно, это был парень из серебристого авто, которого я встретила по дороге от мусорки. Не самое удачное знакомство. Пока он пересказывал остальным эту историю, я просто старалась слиться с мебелью. Когда Егор закончил, я пожала плечами.

– Я его не сбила, твоя машина даже не пострадала.

– Все равно мне полагается компенсация!

– Она может налить тебе кофе, – влезла Рита. – Заходи после пяти в кафе рядом с пиццерией.

Отлично, теперь он знает, где я работаю.

Вечер прошел весело. Я немного выпила и, кажется, почти не проверяла телефон. Мы сыграли с Ритой в Мортал Комбат на Сони Плейстейшн (Саша оказался фанатом игровых приставок) и я выиграла две партии из трех.

Во втором часу я собралась домой, и Егор вызвался проводить меня. Рита под каким-то предлогом осталась у Саши, и мы оказались на ночной улице одни.

Какое-то время мы обсуждали игру и учебу, потом шли молча. Потом он неожиданно сказал, что приезжал к моему дому пару раз после нашей встречи, надеясь встретить меня. Я оставила ему номер телефона, не оставить вроде бы не было причин. У подъезда возникла неловкая пауза, но потом он по-дружески обнял меня, и мы попрощались.

Я ничего не ждала от этого объятия, но эффект, который оно возымело, разозлил меня. Мое тело никак не реагировало. Что было виной, японский воздух, трагизм ситуации, мои взвинченные нервы, я не знаю. Только теперь, после ночи с Хиро, прикосновения Егора показались мне пресным блюдом, после острого соуса. Уже прошло почти три месяца, меня когда-нибудь отпустит?

Я задумчиво набрала в поисковой строке: как сделать так, чтобы меня отпустило? Но потом стерла. Может быть, я не хочу, чтобы меня отпускало.

Глава 5

"Расскажи о своей семье."

"Я единственный ребенок"

"У вас хорошие отношения"

"Всегда в шаге от катастрофы"

"Почему?"

"Я не слишком послушный сын. Это огорчает отца"

"Я думала, японцы всегда слушают родителей"

"Я слушаю. Просто не всегда делаю, то чего от меня ждут"

"От тебя многого ждут?"

"Иногда, кажется, что я делаю все не так"

"А кажешься очень уверенным в себе"

"Иногда казаться это тоже трудно"

Общий тон этой беседы был невеселым, что в целом было нехарактерно для наших разговоров. Мне показалось, что он очень устал, и я спросила, когда он нормально спал в последний раз. Он отшутился и пообещал, что обязательно будет лучше следить за собой. Он был далеко, и я не видела его лица, но каким-то непостижимым образом я знала, что ему так же одиноко, как и мне. Мне очень хотелось обнять его. Но сообщения не могли передать этого. Я лежала, глядя в потолок и просто хотела на несколько секунд оказаться рядом с ним. Время ничего не лечило.

На следующий день Егор позвонил, и мы минут десять поболтали ни о чем.

В понедельник он зашел к нам в кафе. Агата многозначительно округлила глаза.

– Я ему ничего не обещала, – прошипела я. – Мы вообще едва знакомы, я не знаю, зачем он пришел.

– Симпатичный парень пришел к тебе на работу и попивает кофе, не спуская с тебя глаз. Действительно, Нина, есть от чего расстроиться!

Я швырнула в нее полотенцем.

– Тебе очень идет эта форма.

Я поблагодарила. Он покрутил кружку в длинных, как у пианиста, пальцах с красивыми овальными ногтями.

– Не хочешь сходить в кино в среду? У тебя ведь в среду выходной.

Агата из-за его спины кивала мне "да-да!" Я замялась с ответом, и он добавил.

– Саша с Ритой тоже идут, может быть еще кто-то подтянется, давай же.

И я согласилась.

С одной стороны я не была на свидании уже давным-давно. С другой стороны, мне вовсе не хотелось давать Егору ложные надежды. А еще была Агата, которая сказала что-то, про то, что живые русские мальчики, намного лучше электронных японских. Даже если японские очень красивые.

"Тебе нравится Япония?"

"Очень. Даже не ожидала, что мне так понравится Токио"

"А японцы?"

Я невольно улыбнулась.

"Японцы очень вежливые и порядочные люди"

"А как насчет японских парней?"

"Я знаю не слишком много японских парней"

"Но те, кого ты знаешь, тебе нравятся?"

"Те, кого я знаю, все очень далеко"

Перед встречей, как ни крути, но это было свиданием, я долго продумывала различные варианты одежды, но в результате остановилась на простых джинсах с футболкой. Волосы я выпрямила и оставила распущенными. Выглядела я хорошо, но явно с подтекстом "не собираюсь никого впечатлять".

Во время сеанса, Егор взял меня за руку. Мы сидели рядом с обжимающимися Сашей и Ритой – это казалось более чем естественным. Его рука была теплой и сухой. Мне было приятно, и я не убирала руку, но не более. Он снова проводил

меня домой. По дороге мы обсуждали фильм. В тени подъезда он спрятал мои руки в свои карманы, потом наклонился и поцеловал меня. Я сознательно позволила этому случиться. Я хотела почувствовать это, понять, что я вообще способна что-то чувствовать. Его губы пахли ментолом, волосы щекотали мне лицо. Его дыхание было горячим, это был нежный поцелуй, но не более. Везде это "не более". Я отстранилась. Он не почувствовал, что что-то не так. Замечательно. Как мне теперь сказать ему, что нам нужно остаться в дружеской зоне?

"Электронная книга или бумажная?"

"Только бумага!"

"Ты из девятнадцатого века?"

"Тебе уже заменили часть органов на механические?"

"Голову целиком, люблю прогресс!"

Перед сном мы с Хиро внезапно заговорили об исторических эпохах. После нашей переписки и впервые набрала в поисковике "История Японии". Я не знаю, зачем я это делала. Тоска по невозможности дотронуться, до причины моего внезапного трудолюбия и жажды знаний толкала меня на странные поступки. Это свидание стало переломным моментом. Я приняла решение, мне нужно вернуться в Токио и увидеться с Хиро еще хотя бы раз. Я должна дать моему сердцу шанс. Я сделаю это и буду жить дальше, чем бы ни обернулась эта встреча.

Как объяснить человеку, что с ним все отлично, просто он не тот? Не тот, кто заставляет твое сердце выпрыгивать из груди. Здравствуйте, извините, все отлично, просто вы кажется чей-то чужой? Я думала, что после нашего разговора Егор меня возненавидит, но судя по его поведению, я его еще больше заинтриговала. Он согласился "остаться друзьями" но продолжал заходить в кафе и приглашать меня присоединиться к ним на пикниках, пойти в клуб или

поужинать вместе "как друзья". Это меня очень смущало, я не привыкла к навязчивому вниманию и терялась, не зная как поступить.

Решение подвернулось само собой. Как то он предложил подвезти меня домой после встречи клуба английского языка, и я познакомила его с Аней. С моей точки зрения Аня была совершенством. Длинные каштановые волосы, яркие глаза, очень женственная фигура. Даже мне все время хотелось ее обнять. Помимо яркой внешности Аня обладала ангельским характером. То, что у нее не было молодого человека, казалось мне вселенской несправедливостью, о чем я сообщила Егору, после того, как их познакомила. И он все правильно понял. Все-таки он был сообразительным парнем. Первый опыт в роли свахи оказался более чем удачным, возможно мне стоило открыть брачное агентство?

Несмотря, на то, что я сама хотела отделаться от Егора, настроение у меня было несколько подавленным. Не знаю, как по моим коротким сообщениям Хиро понял это. Он всегда понимал.

Вечером, когда я уже лежала в постели, он спросил, нравится ли мне песня одного известного японского исполнителя. Я сказала, что сейчас послушаю.

"Подожди, не надо. Дай мне свой номер телефона. Я подниму тебе настроение, только не смейся в трубку"

Я написала номер, и через минуту раздался звонок. Я ответила. Он откашлялся и запел. Серьезно, он позвонил и спел для меня. Впервые в жизни кто-то пел для меня в трубку. Я свернулась в одеяле и закрыла глаза. У него был низкий, очень приятный голос, он пел и постукивал, по столу в такт. Песня была грустной, но это тоже было хорошо. Кажется, я могла бы лежать так вечно.

"Все, теперь мне осталось только совершить ритуальное самоубийство, чтобы смыть с себя позор"

"Если бы меня заставили петь, я бы к тебе присоединилась в плане самоубийства. О чем эта песня?"

"О разлуке. О том, что даже расстояние не в силах помешать людям, думать друг о друге"

Я в изумлении смотрела на экран. Это то, что я думаю? Я точно правильно поняла? Признание?

Я набирала ответное сообщение и стирала десяток раз. Наконец, не в силах справиться с ворохом эмоций написала нейтральное:

"Я собираюсь в Токио снова. Хочу приехать в конце июня, буду учиться в школе японского языка"

Сама мысль пришла мне недавно, и я еще изучала предложения различных школ, но с идеей поездки на учебу уже определилась.

"Это самая хорошая новость за сегодняшний день"

Я заснула с телефоном в руке.

Утром я увидела сообщение, пришедшее глубокой ночью.

"Каждый раз, просыпаясь ночью, ожидаю увидеть тебя рядом"

В последнее время у меня было ощущение, что я готовлюсь, стать фри-дайвером, после очередного его сообщения я задерживала дыхание и не могла вдохнуть долго-долго.

Теперь я по-настоящему поняла значение слова "сублимация". Чем больше я занимала свои дни, тем легче мне было. Я изо всех сил старалась заставить себя не думать. Не придавать значения. Не мечтать.

Но я не могла. Воспоминания были гораздо ярче окружающей действительности. Даже если я просто обманывала себя, этот обман уже жил собственной жизнью.

В апреле приехал на неделю отец. Его короткий отпуск совпал с первыми по-настоящему теплыми деньками. Студентки сменили колготки на чулки, короткие юбки мелькали тут и там, как бабочки. Дороги подсохли, и мы между парами

высыпали на нагретые солнцем лавочки у здания университета.

Я рассказала родителям, о своем намерении поехать в языковую школу, показала свои расчёты, по которым мне должно было хватить средств на оплату обучения и перелет. Я была одобрена по всем пунктам, родители сообщили, что они очень гордятся мной, и что в последнее время я приятно удивляю их зрелостью решений. Папа сказал, что расходы, связанные с проживанием они берут на себя, и я принялась искать школу, которая находилась бы не слишком далеко от папиного жилья и вписывалась бы в мой бюджет. Такая нашлась довольно быстро и тем же вечером я отправила им письмо с заявлением. Мои мечты начинали обретать плоть.

Я не помню, как сдавала сессию. Вопреки доводам разума это был мой лучший результат, за все время учебы, из четырех экзаменов три – на отлично. Виза была в моем паспорте, девочки из кафе очень просили писать им и обязательно возвращаться на работу в сентябре.

Глава 6

Сказать, что мне было страшно, значит, ничего не сказать. Мне не было страшно, напряжение предыдущего полугода скрутило в тугой узел мои внутренности. Я стояла в аэропорту Нарита полная ужасных и прекрасных предвкушений. К моим мучениям добавилось то, что Хиро не было в Токио. Сцену нашей встречи в аэропорту, которую я моделировала в голове в течение пары недель, пришлось отредактировать. За день до моего прилета он уехал в Осаку в командировку и не мог точно сказать, когда вернется.

Отец встретил меня в аэропорту. Летний Токио дохнул мне в лицо испепеляющим жаром. Улицы были раскалены, из открывающихся дверей супермаркетов и офисных зданий вытекали волны ледяной, кондиционированной прохлады. По моей просьбе папа купил мне мобильный телефон с сим-картой, и сразу по приезду я снова была на связи.

После того, как Хиро сообщил, что уезжает накануне моего прилета я почувствовала себя не в своей тарелке. Я не думала, что он обманывает меня, но все равно чувствовала себя неловко.

Неловкость испарилась в тот момент, когда сразу по прилету я увидела имейл с его адресом и подробной картой проезда.

"Если тебе захочется отдохнуть и побыть одной, приезжай ко мне. Запасной ключ я оставил за ящиком огнетушителя в холле. Нужно просунуть руку за него, я приклеил ключ на клейкую ленту. Тебя никто не побеспокоит, чувствуй себя как дома"

День приезда я провела с отцом. Занятия в школе начинались через несколько дней, и у меня было время освоиться. Мы поужинали в маленькой закусочной, где подавали такияки и потом просто бродили по улицам, разговаривая.

Поначалу мысль приехать в его квартиру, пока его там нет, показалась мне странной. Но чем больше я думала об этом, тем соблазнительнее казалась возможность оказаться среди его вещей, просто проверить, что это место реально. Безнаказанно заглянуть в чужую жизнь?

Не стал бы он меня приглашать, если бы не хотел видеть, ведь так?

На второй день я не выдержала и, как следует, изучив схему проезда, оказалась в знакомом здании. Холл, лифт, ящик огнетушителя, а вот и ключ. В такие моменты мне начинало казаться, что с ума сошла не одна я.

Я осторожно повернула ключ и вошла в квартиру. За полгода она почти не изменилась, разве что появился ковер на полу в гостиной. Разулась. Прошлась по комнатам, проводя кончиками пальцев по мебели, к которой он прикасался каждый день. Из окна открывался симпатичный вид на сияющие небоскребы. В центре кухнегостиной стоял диван, около него низкий стол. У окна круглый деревянный столик, за которым мы завтракали, деревянный гарнитур, барная стойка с каменной поверхностью. В углу гостиной висела боксерская груша, и лежали несколько гантелей.

Открыла дверь налево, там был небольшой кабинет: книжные полки, письменный стол, удобное кожаное кресло. На столе стоял ноутбук, позади него был завал бумаг и книг. В целом, как я теперь понимала, квартира, за исключением спальни, была сделана в европейском стиле. Я заглянула в ванную,

дотронулась кончиком пальца до зубной щетки. Открыла тюбик с зубной пастой, набрала пальцем немного и попробовала на вкус. Прошла в пустую спальню, пару секунд поразмышляла на тему приличия, но все-таки открыла стенной шкаф. Там аккуратным рядком висели костюмы и рубашки, лежали футболки и джинсы. Везде чисто как у психопата-убийцы. Я взяла из шкафа с постельным бельем подушку, одеяло и унесла на диван. Села, обняв подушку, затем легла. Это место определенно навевало на меня сон. Я пыталась почувствовать запах владельца подушки, но она пахла нейтральной мятой. Хотела полежать совсем немного, но глаза слипались, и я просто отключилась.

Проснулась от звука открывающейся двери. Не знаю, сколько я проспала, в доме была абсолютная тишина, и огней за окном стало намного меньше. Я села, обернулась к двери и увидела стоящего на пороге Хиро. Земная ось со ржавым скрежетом остановила свое движение, мир замер. Мое сердце прекратило биться, пылинки, взлетевшие при движении одеяла, лежали в воздухе перед моими глазами, как таинственные письмена. Когда я думала о нем, все эти полгода я пыталась представить нашу встречу. И каждый раз спотыкалась в самом начале. Что я скажу ему, что скажет мне он? Как неловко мы будем чувствовать себя рядом друг с другом после такой долгой переписки. Успела ли я стать для него "случайным попутчиком", которому ты впопыхах выложил историю своей жизни, а теперь хочешь, чтобы он просто растворился в утреннем воздухе вокзала.

Но я забыла главное.

Я забыла, что сообщения в скайпе не передают, то, как непринужденно он стоит, как улыбается уголками губ. Его взгляд, как будто в любой ситуации у него была фора для обдумывания, словно он давным-давно решил, как поступить и теперь просто наслаждается моментом.

Я села на диване, пытаясь собрать мысли вместе и сформулировать что-то вроде "извини, что я снова сплю в твоей квартире". Но не успела, потому что он уронил сумку на пол, в обуви пересек комнату и через мгновение сгреб меня в объятия вместе с одеялом. Я задохнулась, вцепившись в лацканы его пиджака. Время остановилось, пока мы просто сидели так, прижавшись, друг к другу. Он опустил лицо в мои волосы, и я чувствовала, как его грудь вздымается под моими пальцами так же часто, как моя. Как только мой лоб уперся в его плечо, я почувствовала, то самое, то, что преследовало меня полгода во снах и наяву. Все мои сомнения, все, что мучило меня так долго, растворилось, как кусок льда в

горячей ладони. Я вошла в спокойную воду после долгой, трудной дороги. Я была дома.

Прошло несколько минут или часов, когда он, наконец, отстранился и сел рядом, смущенно пожав плечами.

– Иногда мне казалось, что ты мне приснилась.

Я кивнула, и мы продолжали сидеть рядом. Через одеяло, одежду и его пиджак я ощущала то самое электричество, которое его присутствие рождало во мне. Оно никуда не пропало. Это было сродни нахождению у мощного электроприбора, когда волосы наполняются статикой, и подошвами чувствуешь вибрацию пола. А он смотрел на меня так.

Так, будто все эти полгода, открывая дверь, ожидал увидеть меня здесь.

– Ты голодная? Я купил суши.

Я снова кивнула, не в силах произнести ни слова. Он поднялся, закрыл входную дверь, разулся и включил кондиционер. Подхватил сумку и принялся хозяйничать на кухне. Я следила за его движениями как завороженная. Было что-то невероятное в том, что мы не виделись несколько месяцев, были знакомы всего один день, а теперь я сижу на его диване, и он готовит для нас ужин, как будто так было всегда. От этого "всегда" у меня потеплело на сердце.

Мы ужинали за барной стойкой. Я молча пыталась совладать с палочками, пока он не фыркнул от смеха и не подал мне вилку.

– Ты же понимаешь меня? – в его голосе звучало сомнение.

Я знала, что это уже очень глупо, но снова кивнула. Он улыбнулся, морща нос.

– Тогда ты вполне можешь что-нибудь сказать.

В горле пересохло.

– Не знаю что, – наконец выдавила я.

– Я тоже не знаю, но говорю же!

– Наверняка скажу какую-нибудь глупость.

Он засмеялся.

– Я переживу.

Я уставилась на свою вилку. Если я сейчас заговорю о погоде, это будет достаточно нелепо?

– Ты вернулся раньше?

– Закончил все в рекордный срок. Очень хотел вернуться домой.

Я хотела спросить о цели поездки, но побоялась, что моего словарного запаса не хватит, чтобы понять ответ. Мне приходилось делать усилие, чтобы не смотреть на него постоянно, в результате я смотрела только в свою тарелку.

– Как ты долетела?

– Хорошо, – я прожевала очередной кусок. – На самом деле ужасно. Рядом со мной сидела пара с младенцем, он либо плакал, либо визжал от радости. К концу полета моя голова готова была взорваться. А им ведь с ним всю жизнь жить!

–Ну, я думаю после двадцати они становятся менее невыносимыми.

– Люди? – я с сомнением покачала вилкой в воздухе. – Что-то знакомые мне люди не подходят под это правило. Вне зависимости от возраста они невыносимы.

– Это правда, что в России детям все разрешают?

– Нет, – я удивилась. – Я слышала то же самое про Японию.

Он отрицательно помотал головой.

Было заметно, что он старается строить простые предложения. Видимо не хотел испытывать мой шестимесячный навык владения английским на прочность. Весь наш диалог был неловким. Но слова были второстепенны. Просто сидеть рядом с ним, смотреть, как он ест, чувствовать на себе его взгляд. Вот это было самым естественным, что я делала в жизни. Я не знаю, как это получалось. Программа, создававшая барьеры между мной и другими людьми дала сбой. Все, что я, выбиваясь из сил, делала эти месяцы, обрело смысл. Это того стоило, тысячу раз стоило. Я боялась, что за эти месяцы приукрасила свои чувства. В действительности все было наоборот. Они поблекли как выцветшая бумага. Реальность показала, что каждая секунда рядом с ним была испытанием для моего сердца и моего тела.

Потом он, извинившись, ушел в душ, а я не зная чем занять себя, вымыла посуду, подошла к окну и просто смотрела в ночь.

Когда он вернулся, я смотрела на переливающиеся ночные огни и усилием заставила себя остаться в том же положении. Он остановился за моей спиной, почти касаясь меня, и я видела его отражение, обрамляющее мой силуэт. Я повернулась к нему лицом, мокрые пряди волос спадали на глаза, и мне очень хотелось отвести их рукой, но я не решилась. Он стоял так близко, что я чувствовала пьянящий аромат его влажной кожи. Он прижал ладони к стеклу, по обе стороны от моего лица, я чувствовала себя в ловушке, но это была самая прекрасная ловушка на свете.

– Почему ты приехала? – вопрос застал меня врасплох. Я могла солгать, но тогда какой во всем этом был бы смысл.

– Ты знаешь, – он покачал головой.

– Я не знаю. Я хочу, чтобы ты сказала мне, – он что, правда ни разу не моргнул за это время? Я почувствовала, как непроизвольно облизываю губы и Хиро, словно завороженный медленно вернулся взглядом от моего рта к моим глазам.

– Потому что ты мне нравишься, – я прислонилась спиной к стеклу, внезапно почувствовав слабость в ногах. Он слегка подался вперед, так, что между нами сохранялось прежнее расстояние в несколько сантиметров.

– Ты дрожишь, почему ты дрожишь?

– Потому, что говорю странные вещи. Потому, что ты рядом и мне некуда бежать, – я сглотнула, борясь с желанием сократить промежуток между нами. – Почему ты позвал меня к себе?

Он осторожно взял прядь моих волос, намотал на палец и тут же отпустил. Снова посмотрел мне в глаза и отстранился, прислонившись к стеклу рядом со мной.

– Потому, что мне нравится, когда ты рядом и тебе некуда бежать.

За этот вечер я окончательно убедилась, что Хиро был из породы людей, что находятся в гармоничных отношениях с пространством. Как бы он ни стоял, сидел, что бы ни делал – его тело принимало, наиболее уместную и эргономичную позу из возможных. Проблема "куда деть руки" тоже явно была для него незнакома. Он выглядел очень расслабленным и распространял это спокойствие вокруг себя. Я не могла похвастаться тем же самым, наоборот, я была напряжена, как струна.

– Так все-таки, ты относишь себя к невыносимым взрослым? – спросил он

– По твоей теории у меня есть шанс исправиться после двадцати.

Он выглядел удивленным.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – я почувствовала себя неловко. – Тебе?

– Мне двадцать восемь.

Он почти на десять лет меня старше, надо же. А выглядит ровесником. Или чуть старше.

– Ты выглядишь моложе. Я, правда, не уверена это хорошо или плохо.

Он засмеялся.

– Я тоже.

Видно было, что разговор о возрасте привнес в наш уютный вечер некоторую нервозность. Поэтому я не очень удивилась, когда он предложил:

– Отвезти тебя домой?

Мне не хотелось уходить. Не подавать виду, что тебе хочется остаться, это часть общественных правил и приличий, не так ли?

Мы спустились на парковку и остановились перед довольно большим мотоциклом. Я в изумлении уставилась на Хиро.

– Что-то не так? Он подал мне шлем.

– Мотоцикл?

Он надел свой шлем.

– Я предпочитаю мотоциклы, да. Он полностью автоматический и не слишком мощный. Но выглядит хорошо. Садись.

Я забралась на сиденье, оказавшись чуть выше него. Не найдя куда деть руки обняла его за пояс. Мотор взревел, и мы вынырнули из бетонных коридоров в сверкающую токийскую ночь. Мы ехали по гладкой дороге, ветер щекотал мои плечи. Темные громады высоток, подсвеченные арки, петли развязок проносились мимо меня, словно нарезка из футуристического видео.

На этот раз все было по-другому. Токио принял меня как старого друга. Я нравилась городу и могла ответить ему взаимностью.

Только когда байк остановился во дворе дома отца, я сообразила, что Хиро не спрашивал у меня дорогу. Я бы вряд ли смогла рассказать, как проехать, но хотя бы адрес. Соскользнув с сиденья, я спросила:

– Ты запомнил, где я живу?

Он отвел взгляд, сделав вид, что рассматривает верхушки деревьев.

– У меня хорошая память, если говорить об ориентировании на местности. В отличие от некоторых.

Я продолжала смотреть на него. Он, наконец, перевел на меня взгляд. Я видела только его глаза в прорези шлема, но была уверена, что он улыбается.

– Что? Возможно, я приезжал сюда пару раз. Или пару тройку раз. Прекрати так смотреть на меня!

Он возмущенно пробормотал что-то по-японски и завел двигатель и скрылся из виду.

– Ты поздно, – папа оторвался от книжки. – Где была?

Я неопределенно пожала плечами.

– Гуляла.

– Гуляла на мотоцикле?

– Эй! – я скрылась в ванной. – Ты следил за мной!

– Я просто волновался. Кто тебя подвез?

– Знакомый! – чтобы избежать дальнейших расспросов я закрыла дверь.

– Удивительно быстро ты обзаводишься знакомствами! – крикнул папа мне вслед.

"Спокойной ночи. Нина?"

"Да?"

"Я рад, что мы проведем это лето вместе"

На следующий день я обеими ногами вляпалась в увлекательный мир японского языка. Для тех, кому не хватило двух азбук японцы приправили свой язык колючими иероглифами, при одном взгляде на которые у меня начинала зудеть кожа.

"Три системы записи! Скажи мне, что это шутка"

Хиро прислал самодовольный смайл.

"Крепись, гайджин, твои старания будут вознаграждены!"

Группа для начинающих, в которой я занималась, оказалась небольшой. Помимо меня в ей было еще восемь человек: мальчик-итальянец, темнокожий камерунец, несколько веселых корейцев и две девочки из Литвы. Они собирались ехать волонтерами в какой-то заповедник после нового года и изучали язык для подготовки. Обе они довольно хорошо говорили по-русски, я даже не подозревала, как много русскоязычного населения в восточной Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kim_anya/cunami-istoriya-dvuh-voln

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить